

Кэрил Эмерсон

Бахтин глазами Кэти¹

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_30

Caryl Emerson
Katy's Bakhtin

Кэрил Эмерсон

Принстонский университет; Кафедра
славистики, почетный профессор, PhD
cemerson@princeton.edu

Caryl Emerson

Princeton University, Department of Slavic Languages
and Literatures, A. Watson Armour III University Pro-
fessor Emerita, PhD
cemerson@princeton.edu

Начну с предыстории — с того, как в середине 1970-х я познакомилась с командой Кларк и Холквиста. Я была солидного возраста аспиранткой Техасского университета в Остине, где изучала сравнительное литературоведение, а Майкл и Кэти только что приехали из Йеля*. Когда в 1980 году они вдвоем перебрались в Индианский университет (я на тот момент шлифовала в Корнелле перевод «Проблем поэтики Достоевского»), стало ясно, что этот исследовательский дуэт способен, воспринимая идеи Бахтина, увидеть их разные потенциальные векторы. Майкл и Кэти были командой — но не во всем. Когда в 1981 году Кэти опубликовала свою новаторскую книгу «Советский роман: история как ритуал», она заступила на территорию сразу многих дисциплин: российские города, архитектура, театр, политические институты. Она всегда была социальным историком. Майкл же оставался философом, метафизиком и метафоры всегда были ему ближе, чем партийные собрания, как и политика в целом.

Способность «делать институты» в государствах, где институты решают многое, — и рассуждать о них, избегая скуки и банальности, — настоящий талант. Кэти сохраняла его до самого конца. Разве что ее интересовали все более масштабные темы. Взять хотя бы ее замечательную книгу 2022 года «Евразия без границ» — о «левом литературном сообществе». Она полна идеологического жара и партийных лозунгов, которые должны были бы усыплять читателей, тем более что все эти одуряющие пропагандистские аббревиатуры давно уже потерпели крах. Но со страниц этой книги смотрят конкретные люди с необыкновенными судьбами: художник-конструктивист Сергей Третьяков, советский посол в Кабуле Федор Раскольников, активист Коминтерна Эми Сяо. Кэти хорошо удавалось описывать крупные, обладавшие размахом официальные структуры. Она оставалась верной Бахтину (по натуре своей далекому от политического взаимодействия, настроенному чрезвычайно персоналистически и крайне неофициальному). Но она смотрела на Бахтина с присущей ей социальной точки зрения.

¹ Перевод с англ. Татьяны Пирусской.

* Yale University (США) признан нежелательной организацией на территории РФ.

Здесь я сосредоточусь на том, чтобы разграничить «ее» Бахтина и Бахтина Майкла, определив, в чем именно состоит ее вклад. Моя стратегия была такова: посмотреть в биографии Бахтина, написанной Кларк и Холквистом, какими темами они занимались сообща, ведь оба они впоследствии возвращались к этим темам самостоятельно. Этот метод оказался сопряжен с некоторой грустью: мне пришлось, например, перечитывать некоторые незавершенные наброски, остававшиеся на компьютере Майкла на момент его смерти в 2016 году, и свою переписку с Кэти по электронной почте по поводу вечера его памяти. Здесь наметились две общие темы. Во-первых, мировая литература. Майкл годами работал над этой идеей в контексте филологии как дисциплины; во время своей предсмертной болезни он размышлял о влиянии цифровых баз данных на концепцию диалогизма². Кэти, всегда склонная к более конкретному мышлению, написала эссе о Бахтине и мировой литературе еще в 2002 году³. В нем она говорит о немецкоязычной диаспоре в Москве 1930-х годов, о тех, кто бежал от фашизма, и о том, как транснациональные по своей сути идеи Бахтина нашли отражение в их дискуссиях. Она высказывает мысль, что карнавал можно назвать «модусом путешествия» — видением мира, предполагающим неуместность, изгнание, неприкосновенность, но не как трагедии или несчастья, а как добродетели, которые учат нас сопереживать другим. Но Кэти вскрыла и другие удивительные и не столь сентиментальные аспекты этого мировоззрения. Поэтому карнавал стал моей второй темой. Смеющейся красной нитью он проходит сквозь работы обоих. В 1984 году Майкл и Кэти посвятили одну из глав написанной в соавторстве биографии Бахтина «Творчеству Франсуа Рабле». Самостоятельно и мимоходом Майкл возвращался к теме карнавала в 1990 году. Наконец, десять лет спустя уже Кэти написала эссе на эту тему, опять же с присущим ей вниманием к официальной жизни различных институций — казалось бы, далекому от всякой карнавальности предмету. Жаль, что я не знала (или не помнила) об этом ее эссе 2000 года. Оно помогло бы мне в работе с этой запутанной и порой вызывающей раздражение концепцией⁴.

Так какой же след оставила Кэти Кларк? Проведя лето за перечитыванием ее работ, я пришла к выводу, что след этот определяется некоторым авторским

- 2 *Holquist M. World Literature and Philology // D'haen T., Damrosch D., Kadir D. (eds.) The Routledge Companion to World Literature.* UK: Routledge, 2011. Через неделю после смерти Майкла Илья Клигер обнаружил на его компьютере набросок на смежную тему на английском языке — это был черновик доклада «Идеология, сакральное и роман», прочитанного Холквистом в МГУ в июне 2015 года. Впоследствии текст доклада был опубликован на русском языке: *Холквист М. Идеология, сакральное и роман // Литература и идеология. Век двадцатый.* М.: МАКС Пресс, 2016. С. 15–24.
- 3 *Clark K. M.M. Bakhtin and «World Literature» // Journal of Narrative Theory.* 2002. Vol. 32. №. 3. P. 266–292. К XXI веку словосочетание «мировая литература» уже само просится в кавычки. Как отмечает Кларк, Бахтин в 1930-е годы подразумевал под этим то же, что Гете в 1830-е — панъевропейскую литературу. Как показали ее дальнейшие исследования, подлинно глобальная литература (даже по большей части утопическая и призрачная, как те же левые литературные массы) — совершенно иной проект.
- 4 Эссе Катерины Кларк могло бы скорректировать тезисы о бахтинском карнавале как явлении, «не вписывающемся» в советские 1930-е в написанной мной недавно статье: *Emerson C. Bakhtin and the Laughing Genres on the Brink of Total War // Patyk L.E., Erman I. (eds.) Funny Dostoevsky.* Bloomsbury Academic, 2024. P. 24–49.

смирением и почтением к контексту. Я имею в виду, что Кэти не спешит говорить от своего имени. Или даже от имени своего героя. Сначала она говорит от имени эпохи: она задается вопросом, какие возможности окружающий мир предоставлял ее герою, обусловливая тем самым его выбор. На практике такая расстановка акцентов означает, что приходится продираться сквозь множество наводящих скуку злободневных документов, газет, официальных объявлений, лозунгов, сквозь весь этот сумбур и фоновый шум, который задает тон нашей жизни — но у которого не всегда есть лицо.

Но вернемся к предыстории, которая вся — о лицах. Техасский университет в Остине, январь, полвека тому назад. Бахтин умер в Москве годом ранее, в 1975-м. Не считая его книги о Рабле, на Западе о Бахтине мало что знали (я тогда о нем и не слышала; в аспирантуре Техасского университета нам рассказывали в основном о французском структурализме и деконструкции). Но мой преподаватель Майкл Холквист пытался раздобыть права на перевод нескольких эссе Бахтина о романе и убедить издательство Техасского университета пойти на риск и издать их. Работу над черновой редакцией перевода часто поручали аспирантам, а для меня (неугомонной студентки, которая поздно поступила в аспирантуру и годами преподавала сама) такая работа оказалась заданием мечты. Если удается связать свое имя с человеком, который затем прогремит на весь мир, то доля этой громкой славы обеспечена и тебе. Ты знаешь этот голос как родной, ты прожил и проговорил с ним тысячи часов, и вот оно, начало твоей карьеры.

Признаюсь, я всегда побаивалась Майкла во время наших переводческих встреч, результатом которых стал сборник *The Dialogic Imagination* (1981). Он слегка напоминал бахтинского героя-авантюриста, а может, карнавальное трио «плут — шут — дурак» — непредсказуемый, веселый, своенравный, насмешливый, хулиганский. Другое дело Кэти. Она была всего двумя годами старше меня, не такая эксцентричная, спокойнее, с ней легче было наладить контакт. К тому же тогда она была уже на последних месяцах беременности их первым ребенком, и это сглаживало характер бахтинской триады. Когда родился Николас, во время наших переводческих штудий он спал в переноске-кенгуру (в разделе благодарностей мы выразили признательность *Snugli Cottage Industries*, изготовителю этой переноски для новорожденных). Кэти, на тот момент доцент, была очень занята, и Бахтина никак нельзя было назвать главным предметом ее интереса. Она уже глубоко погрузилась в «свое» десятилетие — сталинские 1930-е (особенно их вторую половину), соцреалистический роман, антитезу городской и деревенской прозы. А потом, в 1981 году, вышла ее книга «Советский роман», ставшая бестселлером, — и они с Майклом уехали в Индиану.

В 1984 году увидела свет биография Бахтина, а в 14-й главе биографии рассматривается книга Бахтина о Рабле⁵. Начало и конец главы явно принадлежат

5 Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. Их голоса я неизбежно разграничивала произвольно. Часть Кэти, на мой слух, начинается на с. 307 со слов: «К 1935 году сталинизм... окончательно оформился» и прерывается на с. 315 возвращением к параллелям с европейской литературой (почему Бахтин не приводит в качестве примера карнавализации и полифонии Джеймса Джойса? — то и дело спрашивает Холквист). Ответ Бахтина — потому что «Улисс» монологичен — мы сможем прочесть только в собрании сочинений, до выхода которого на этот момент еще десять лет.

к речевой зоне Холквиста, а середина — речевой зоне Кэти. В разнообразном, переливающемся множеством оттенков диапазоне Майкла преобладают философские абстракции: филология, статус текстов, карнавал как «минимально ритуализованный антиритуал» (с. 300), неустойчивый и межличностный характер гротескного в противовес классическому — статичному и чинному. А что при этом происходит на участке Кэти? Там совершенно иной хронотоп. Мы вдруг оказываемся в конкретном времени и пространстве, где есть ограничительные рамки и действуют законы иерархии. Мы узнаем, что Максим Горький цитирует Рабле в 1934 году, а Луначарский собирается написать книгу о «социальной роли смеха» (с. 313). Пусть Бахтин и политический ссыльный, но он читает газеты, реагирует на происходящее вокруг и пишет на дозволенные темы, несмотря на то (или как раз потому), что переосмыслияет их изнутри.

Биография Бахтина стала бестселлером, хотя поначалу не обошлось без недоброжелателей. В 1986 году на страницах *The Slavic and East European Journal* тезисы книги по ряду вопросов поставили под сомнение: правда ли Бахтин писал книги, которые его друзья затем публиковали под своим именем? Как насчет марксистских взглядов Бахтина? Не написали ли Кларк и Холквист не столько биографию, сколько житие, превратив Бахтина в «некое подобие святого»? Если авторы не могли обосновать свои утверждения, они прибегали к понятию «карнавализация», как будто все это написано исключительно смех ради⁶. Майкл и Кэти убедительно возражали своим оппонентам. Они заметили, что многие информанты просили их не называть имен (и мы должны помнить, что в 1986 году Советский Союз еще существовал, а Бахтин ранее был арестован и сослан и на тот момент еще не вполне реабилитирован). Кроме того, они признавали, что многим обязаны узкому кругу соратников и учеников Бахтина, большей частью подпольных православных христиан, действительно создавших своеобразный «культ» своего учителя⁷. Но для того, о чем я говорю, — для разграничения голосов Кэти и Майкла — важна одна деталь. Почти все вопросы, поднятые в критических статьях *The Slavic and East European Journal*, касались лица, личности, «я». Кто что написал? Кем был Бахтин как человек — мучеником, трикстером, стоиком? Как могло подлинного ученого не волновать, кому принадлежит авторство идеи? Бахтин — вдохновитель, щедро дарящий свои слова другим, источник блестящих идей: что это — способ выжить или позднейшая легенда? Майклу и Кэти пришлось отвечать на эти вопросы в похожем ключе, но часть их ответа, со-

⁶ См. ответ на критику: *Clark K., Holquist M. A Continuing Dialogue // Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30. № 1. P. 96–102*. Автор одной рецензии — Гэри Сол Морсон («The Baxtin Industry»), автор второй — Ирвин Р. Титьюник («The Baxtin Problem: concerning Katerina Clark and Michael Holquist's Mikhail Bakhtin»). Далее я ссылаюсь на с. 96, ответ на упрек в злоупотреблении термином «карнавализация» — на с. 97–98. См.: *Morson G.S. The Baxtin Industry // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30. № 1. P. 81–90; Titunik I.R. The Baxtin Problem: Concerning Katerina Clark and Michael Holquist's Mikhail Bakhtin // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30. № 1. P. 91–95*.

⁷ См. весьма разумные замечания о «почтании Бахтина», опубликованные почти спорок лет спустя, когда выход русскоязычного собрания сочинений Бахтина (1996–2012) многое прояснил: *Hirschkop K. The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin. Cambridge University Press, 2021. 2021. P. 148*.

хранившая наибольшую актуальность, по крайней мере для меня, касается их взгляда на карнавал как институт.

Важно понимать, что у «карнавала» есть как метафизический, так и политico-перформативный аспект. Майкл всегда был хорошим метафизиком, и он указал критикам, что «карнавал» не синоним комического, смешного или «юмора». Карнавал — это перемена, двойственность, неожиданное переворачивание иерархии, возможность «карнавализации» самой жизни, сопряженная с ощущением надежды и динамики. Кэти же взялась за более исторически конкретную, а значит, более трудную и утомительную задачу.

Теперь идея карнавала обрела массовую, всемирную популярность. Какую роль она играла в 1970–1980-е годы? Стараниями Юлии Кристевой в Париже ее стали ассоциировать с политической оппозиционностью, языческими порывами, разного рода протестами. В наборе с полифонией и диалогизмом карнавал стал означать что-то хорошее и антитоталитарное: позитивное, светское, открытое, несущее свободу. Иметь политическую позицию означало быть против. Но в ответе на критику *The Slavic and East European Journal* имелись две строки (я уверена, что их предложила Кэти), где речь шла о политике иного рода (с. 97). Мениппова сатира и карнавал, отмечали авторы, в Советском Союзе 1920-х годов «едва ли могли считаться чем-то новым» и к тому же оппозиционным. На самом деле карнавал, «массовые празднества» и «игровое начало» как темы для исследования вызывали одобрение и даже поощрялись. Именно этот контекст Кэти впоследствии разрабатывала самостоятельно в эссе о московском карнавале. Я закончу анализом этого текста в качестве образца ее стиля как мыслителя иченого.

Но сначала еще несколько слов о другом полюсе. Для Майкла карнавал становится феноменом все более восхитительно абстрактным и романтическим. Ничуть не менее законным, разумеется, но насквозь эстетическим, сентиментальным и чувственным (в том плане, что карнавал позволяет удовлетворить органы чувств: есть, пить, совокупляться, валять дурака, бить юристов и полицейских). Майкл тоже связывает карнавал с полифонией и романом. В своей монографии 1990 года «Диалогизм. Бахтин и его мир» (*Dialogism. Bakhtin and his World*) Холквист отводит карнавалу и романному жанру две страницы, где вслед за Шкловским говорит о сопряженном с ними эффекте остранения: они представляют знакомые отношения в непривычном свете. Далее следуют двадцать страниц о «Франкенштейне» Мэри Шелли как романе-монстре или карнавальном гротеске⁸. Майкл здесь опять же в своей зоне комфорта — великие идеи и пристальное чтение великой литературы. Собственно, это все мы: читатели наедине с нашими любимыми мыслями и любимыми книгами.

Теперь об эссе Кэти «“Карнавал” и культура сталинских 1930-х», написанном в 2000 году⁹. Конечно, это тоже ее зона комфорта. Но многим из нас здесь не так уж и комфортно: перед нами уже не личный взгляд на изолированные сущности, волнующие готические сюжеты и чуткие лица, а институты, скрытые и явные контексты, условия существования. Кэти сразу прямо заявляет, что не задается вопросом, какой «философский» или эстетический смысл

8 Holquist M. *Dialogism. Bakhtin and his World*. Routledge, 1990. P. 89–106.

9 Clark K. ‘Carnival’ and the Culture of the Stalinist Thirties // *Indiana Slavic Studies*. 2000. № 11. P. 17–31.

вкладывал Бахтин в понятие карнавала — была ли это пародия, парадокс или иносказание. Ее интересуют совершенно конкретные карнавалы, которые ежегодно устраивало советское государство, особенно пять московских карнавалов, проводившихся в середине июля в Парке Горького с 1935 по 1939 год. Они были отнюдь не формой бунта и протеста, а радостным, конформистским, объединяющим событием, где ели и пили вдоволь (в 1934 году отменили выдачу продуктов по карточкам). Как раз в эти годы Бахтин (которому, правда, как политическому ссыльному нельзя было жить в Москве) работал над книгой о Рабле — и, размышляет Кларк, возможно, что именно из этих общественных ритуалов выросла ключевая для него идея карнавала. Западные ученые, отмечает Кэти, слишком часто думают только о чистках, Большом терроре и борьбе с формализмом. Но в 1935–1938 годах существовал и Народный фронт. Карнавал прекрасно уживался с международным союзом против фашизма.

Поэтому неслучайно московский Институт мировой литературы (ИМЛИ) был основан в период Народного фронта. И неслучайно особой благосклонностью там пользовалась французская и испанская литература. Поэтому Бахтин откладывает в сторону книгу о Гете и обращается к Рабле и Дон Кихоту. Бахтин не был ни марксистом, ни сторонником сталинского режима, но не был он и отшельником или глупцом; он хотел, чтобы его печатали и слышали. Один из способов быть услышанным заключался в том, чтобы взяться за официально одобренную тему, приложить к ней свои таланты (в случае Бахтина — беглое знание французского и немецкого) и наполнить ее своим содержанием — разумеется, ни на минуту не забывая о строгих рамках, очерченных партийными лозунгами и актуальными постановлениями.

В это переломное время утопический «народный идеал» карнавала был лучшим из возможных миров. Карнавал рассматривался как явление всецело «политическое», но вместе с тем и веселое — а веселиться в сталинские 1930-е тоже было обязательным. Бахтин, без сомнения, не любил «официальную» культуру. Организуемые государством карнавалы, пишет Кэти, «безусловно, были более регламентированными и спланированными, чем хаотичный, оргиастичный бахтинский “карнавал”»¹⁰. Такие события не предполагали мятежного или стихийного юмора; государство распространяло сборники проверенных анекдотов, а производство костюмов было поставлено на поток. Но — еще один пример «авторского смирения», о котором я уже говорила, ее сочувственного отношения к выбору, стоящему перед людьми в реальных исторических ситуациях, — Кэти видит всю картину с самых истоков. Может быть, карнавал и не создал «второй мир», который придумал для него Бахтин, но на несколько дней жители Москвы ощутили, что изобилие действительно существует. Кэти фиксирует завораживающие изменения, происходившие с тематическими парками московского карнавала по мере того, как шло десятилетие и гущалась атмосфера: сперва причудливые народные маски, потом зловещие карикатуры, потом преследуемые враги и, наконец, карнавал, носящий явно националистический и милитаристский характер¹¹. Конец этой истории известен. Сейчас мы его наблюдаем.

¹⁰ Ibid. P. 27

¹¹ Кэти описала то, как партия ставила смех себе на службу, еще за сорок лет до выхода книги Евгения Добренко и Натальи Джонссон-Скрадоль: Добренко Е., Джонссон-Скрадоль Н. Госсмех. Стalinизм и комическое. М.: Новое литературное обозрение,

Трудно было проанализировать те полвека, что я знала Кэти Кларк. Как я уже сказала, ее темы становились все масштабнее — как и ее интересы. В июле 2016 года мы переписывались по поводу вечера памяти Майкла, назначенного на конец сентября. «Нет, я не успела с ним попрощаться, — писала Кэти. — Он умер, когда я была на конференции в Пекине <...> а ко времени вечера памяти Майкла я должна быть в Москве на конференции по литературе — но, думаю, я сокращу поездку, а с вечера сразу поеду в аэропорт»¹². Я видела ее на этом вечере, она сидела в глубине зала.

Теперь обоих крупных ученых уже нет. Задним числом осознаешь, что смерть Майкла в 2016 году, вскоре после Крыма, стала определенной точкой невозврата. Теперь, в 2024-м, когда мы потеряли Кэти, все неизмеримо хуже. Трудно сказать, способна ли энергия бахтинского карнавала поддерживать культуру в кризисное время, но я много об этом думаю.

В следующем году в издательстве Массачусетского технологического института (MIT) выйдет новый перевод монографии Бахтина о Рабле (1965), выполненный Сергеем Сандлером. Это первое научное издание данной книги на английском языке¹³. Пространное предисловие «От переводчика», написанное Сандлером и озаглавленное «Бахтин и его “Рабле”: возвращение к контексту», отличается пристальным вниманием к историческим деталям, какого, по мнению Кэти, заслуживает любое событие в истории культуры. Поскольку в карнавальной картине мира смерть не конец, а переход и даже обновление, новое издание «Творчества Франсуа Рабле» — правильный способ отметить полвека со дня смерти Бахтина в 2025 году. Кэти должна была бы написать на него рецензию.

2022. Один из тезисов этой книги — спор со стереотипным (бахтинским, по мнению авторов) представлением, что коллективный смех по своей социальной функции всегда антитоталитарен (с. 3). Добренко и Джонссон-Скрадоль утверждают, что дело обстояло как раз наоборот. Официальная сталинская культура была вся пропитана смехом.

12 Из переписки автора с Катериной Кларк по электронной почте. 8 июля 2016 года.

13 В первой сноской к 14-й главе биографии Бахтина, написанной Кларк и Холквистом, авторы отмечают, что тираж перевода Елены Извольской (MIT Press, 1968) закончился: «Издательство Индианского университета планирует выпустить его второе издание с такой же нумерацией страниц». Было это в 1984 году. Тираж издания Индианского университета (с новым «Прологом» Майкла, дополнившим витиеватое предисловие Кристины Поморской) тоже закончился несколько лет назад, и издательство Массачусетского технологического института вновь заявило о своих правах на эту книгу, поручив Сергею Сандлеру исправить старый перевод (а на самом деле перевести книгу заново и снабдить подробным комментарием) с учетом вышедшего к тому времени собрания сочинений Бахтина (1996–2012). См.: *Bakhtin M. Rabelais and His World. Revised edition / Trans. and annotated by S. Sandler, preface by C. Emerson*. Cambridge, MA: MIT Press, 2025 (forthcoming).